

О. В. Скobelкин**СЛУЖИЛЫЕ ИНОЗЕМЦЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖОНА МЕРРИКА
В РОССИИ (1614—1617)**

Рассматриваются частные темы переговоров английского посла Джона Меррика с представителями русских властей о судьбе служилых иноземцев в России, и прежде всего о судьбе своих соотечественников.

В истории первых ста лет русско-английских отношений посольство Джона Меррика 1614—1617 гг. занимает особое место. Во-первых, это была самая длительная по времени миссия (более трех лет); во-вторых, английский посол успешно выступил посредником на переговорах России и Швеции; и в-третьих, в силу успешности этих переговоров никто из британских дипломатов не был так обласкан в Москве, как Меррик. К этому следует добавить и исключительные качества самого посла: он единственный из всех приезжавших до него в Россию британцев хорошо знал страну и язык. Отец Меррика Уильям (поэтому английского посла в России чаще всего называли Иваном Ульяновым) был одним из первых управляющих Московской компании, и Джон еще ребенком оказался в России. В 80-х гг. XVI в. он стал агентом компании в Ярославле, а в 90-х — главным агентом в Москве [см.: Соколов, 1992, 82]. Как говорил он сам на прощальной аудиенции у царя Михаила Федоровича в 1617 г., «... у себя я в Английской земле родился, а на Руси взрос; столько хлеба не едал в своей земле, сколько в Московском государстве...» [Соловьев, 1990, 90]. Кроме того, Дж. Меррик, в отличие от других английских дипломатов той эпохи, как правило, не более одного раза приезжавших в Россию,

четырежды исполнял посольские обязанности (1602; 1613; 1614—1617; 1620—1621) [Phipps, 1983, 1].

Помимо посреднической деятельности на русско-шведских мирных переговорах Меррик вел переговоры о русско-английских отношениях. Основными здесь были сюжеты, ставшие уже традиционными в русско-английских дипломатических контактах: возможность продвижения англичан на Восток через территорию России, привилегии для английских купцов и промышленников, а также заключение русско-английского договора. Однако на переговорах Меррик поднимал и другие, более частные темы, в том числе связанные с пребыванием в России иноземцев, прежде всего, разумеется, британцев. Именно об этом и пойдет речь в настоящей статье¹.

Переговоры Меррика с представителями русских властей проходили в два этапа: в начале 1615 г., до того как начались длительные русско-шведские переговоры, и летом 1617 г., после заключения Столбовского мира. На них по инициативе английского посла обсуждался целый ряд вопросов, касающихся судеб служилых иноземцев в России. Среди них были: разрешение для князя Артемия Астона² покинуть Россию; ссылка русскими властями ряда иноземцев на службу в Казань; судьба капитана Дэвида Гилберта; конфликт между двумя иностранными офицерами на русской службе (командиром шотландской роты Андреем Мутром и командиром ирландской роты Томасом Юстосом³); ряд других вопросов. Абсолютное большинство указанных проблем обсуждалось в конце июня — конце июля 1617 г., т. е. перед самым отъездом Меррика в Англию. При этом некоторые вопросы решались быстро, по другим же возникали затяжные дискуссии.

Рассмотрим эти сюжеты.

В самом начале переговоров Меррик еще в январе 1615 г. от имени короля Джеймса I заявил русской стороне (боярин кн. И. С. Куракин, окольничий кн. Д. И. Мезецкий, думный дьяк П. Третьяков и дьяк С. Романчуков), что в Англии известно о поступлении князя А. Астона на русскую службу и о пожаловании ему «царского жалованья по его достоинству». При этом Меррик призвал жаловать Астона «великим жалованьем» и дальше, мотивировав это высоким статусом «кня-

¹ Все описанные в статье сюжеты нашли отражение в хранящейся в РГАДА 4-й книге фонда 35 «Сношения России с Англией» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4]. Выражаю самую искреннюю благодарность Т. А. Лаптевой, обратившей мое внимание на этот источник; а также Д. В. Лисейшеву за помощь и консультацию.

² Артур (Артемий) Астон был одним из руководителей большого отряда иностранцев, прибывших в Россию в 1612 г. для поступления на русскую службу. Руководство Второго ополчения отказалось иноzemцам, но обстоятельства сложились так, что сразу покинуть Россию им не удалось, и часть иноземцев во главе с Астоном приняла участие в боевых действиях против поляков и литовцев, в конце концов в 1614 г. Астон, его сын и десять их товарищей, в том числе шотландец капитан Яков Шав, были приняты на службу [подробнее об этом см.: Скобелкин, 1998].

³ Капитаны А. Мутр и Т. Юстос в рассматриваемый период возглавляли так называемых бельских немцев — отряд из ста с лишним шотландцев и ирландцев, перешедший на русскую службу после сдачи г. Белая в 1613 г. (подробнее о бельских немцах см.: [Скобелкин, 1997а; Скобелкин, 1997б; Скобелкин, 2002б; Скобелкин, 2004]).

зя» и его прошлыми заслугами («а человек он знатной, отческой сын, и службы его в Аглинской земле были многие»). А как только об этом станет известно в Англии, то «многие отеческие дети из Аглинской земли к царскому величеству поедут служити». Кроме того, по словам посла, при нем находился некий «боярский сын», который, как только станет известно о пожаловании Астона, также был готов немедленно проситься на русскую службу. Ходатайствовал Меррик и об одном из товарищей Астона, приехавшем вместе с «князем» в Россию: «Да и о Якове Шаве говорил, чтоб государь и Якова пожаловал, и Яков — рыцерской человек» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 170—171 об.].

В ответ на это русские участники переговоров, упомянув о «милосердии» царя ко всем приезжающим иноземцам, намекнули, что Астон и его товарищи будут еще пожалованы.

Вопрос об Астоне на переговорах всплыл не случайно. Сразу же после ответа русской стороны Меррик заговорил о некоем «француженине», который дважды приезжал в Россию («при боярех, а после... при государе») с грамотами от «французского удельного князя». По словам английского посла, этот француз на Астона и его товарищей «всякие злые дела наносил, чему они не виноваты». Меррик обвинил француза в том, что тот был лазутчиком польского короля; сказал, что «недостоен он жив бытии» и надо «от такова вора беречись и ему ни в чем не верити» [Там же, л. 172]. Речь шла скорее всего о французе, которого Г. Жордания идентифицировал как Франсуа де Лескера, агента герцога д'Эпернона и его племянника маркиза Руляка [см.: Жордания, 1959, 332—370]. И дело здесь было не только и не столько в Астоне и его отряде: деятельность Лескера явно угрожала русско-английским отношениям, а следовательно, и английской торговле в России.

Дважды, с интервалом в неделю, Меррик заводил речь о достоинствах Астона и его товарищей, а вместе с тем и о кознях французского агента, имя которого, впрочем, на переговорах не называлось. Русская сторона поспешила успокоить английского посла, заявив, что француз по боярскому приговору сослан в Сибирь и посажен в тюрьму «на смерть». Меррик, в свою очередь, заявил, что сразу по приезде в Архангельск ему об этом рассказал Фабиан Смит⁴, о чем он сразу же известил короля [см.: РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 197]. На этом тема «некоего француженина», а вместе с тем и лояльности Астона и его товарищей была исчерпана.

Вопросы о служилых иноземцах в России вновь были подняты Мерриком уже после завершения русско-шведских переговоров и посреднической миссии английского посла в июне 1617 г., незадолго до его отъезда. На этой стадии русско-английских переговоров русскую сторону представляли бояре Ф. И. Шереметев и князь Д. М. Пожарский, думный дьяк П. Третьяков и дьяк С. Романчуков.

⁴ Фабиан Ульянов Смит — английский купец, агент английской Московской компании [Демкин, 1994а, 45; 1994б, 87].

В первый раз (20 июня) Меррик затронул две проблемы — высылку ряда служилых иноземцев на службу в Казань и разрешение уже упоминавшемуся А. Астону покинуть русскую службу и вернуться на родину.

Говоря о высылке в Казань, Меррик подчеркнул, что не заступается за тех иноземцев, «которые... воры, чье воровство объявились или кому верить нельзя, — за тех он и не говорит». Но среди иноземцев есть «люди добрые, не воровские, которые приехали с ним, а иных он знает, их Аглинские и Шкотцкие земли, люди учтивые, изменения и воровства в них никакова не будет». Их-то он и просит не высылать. Если же эти люди не нужны на русской службе, то «царское б величество пожаловал, отпустил в ых землю», поскольку, как сказал посол, «они лутче ссылки себе смерть мнят» [Там же, л. 243 об. — 244]. Из имен было названо лишь имя капитана Барнобея⁵. С русской стороны последовало разъяснение: «Ссылают их в Казань не за опалу, ссылают их для того, что на Москве ныне... хлеб дорог, а у государя росходы многие, денег в Большом Приходе с росходы не ставитца. Все-гда от ыноземцев шум и крик о корму. А в Казани хлеб и съестное все дешевле, и деньги в казне есть». Там им «будут дворы добрые», получать будут столько же, сколько в Москве, «а купить в Казани все здешнего дешевле. И им будет здешнего и лутче, не о чём им о том скорбети, что в Казань ссылают» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 244—244 об.]. Меррик попытался настоять, но ничего не вышло: вновь был повторен тезис о том, что в Казани «худобы некоторые не будет», и послу предложили перейти к обсуждению других вопросов. Тогда-то он поднял вопрос об Астоне.

Указав на то, что Астон «и у царского величества послужил, а преж сего служивал же в своей земле и в ыных землях, и от ран болен», Меррик передал просьбу англичанина отпустить его с женой назад в Англию. Служить же в России в этом случае должен остаться сын Астона. Ответ на эту просьбу был вполне ожидаемым: Меррик-де сам прекрасно знает, что «давно от прежних великих росийских государей повелось — никого из Московского государства, кто бьет челом царскому величеству в службу, не отпускают». Тогда английский посол попытался добиться разрешения уехать «к ее роду и племяни» хотя бы для жены Астона, мотивировав свою просьбу тем, что «у князя Ортемья уж детей не будет». Но и здесь он получил решительный отказ: «того неслыхано, чтоб с мужем жена розвести; то статись не может, что от мужа жена отпустить». Меррик не стал настаивать, сказав, что «во всем покладываетца на государеву волю» [Там же, л. 245—246].

Спустя неделю, на заседании боярской думы с участием царя были зачитаны записи переговоров с Мерриком, а также письменный вариант его предло-

⁵ В данном контексте *Барнобей* назван англичанином; ниже та же посольская книга называет его ирландцем, приехавшим в Россию вместе с Мерриком после русско-шведских переговоров [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 342 об.]. Видимо, его А. Лаппо-Данилевский называет ирландским капитаном Варнавой и сообщает, что он в 1615 г. приехал из Швеции, где служил конную службу [см.: Лаппо-Данилевский, 70].

жений, в котором по просьбе русской стороны английский посол должен был перечислить все то, о чем говорил «в ответе», т. е. во время первого раунда переговоров. Следует отметить, что ни вопрос о высылке в Казань, ни просьбу об отпуске Астона домой Меррик в свое «письмо» не включил. Это, видимо, следует рассматривать как свидетельство того, что вопросы о служилых иноzemцах он поднимал не на основе инструкций из Англии, а по своей собственной инициативе, в результате личных договоренностей со своими земляками в России.

Инструкции, которые получил Шереметев «с товарыщи», заключались в том, чтобы русская сторона держалась прежней позиции: «И об иноzemцах будет спросит и опять об них учнет говорить, и ему сказать, что ссылают их для покоя и чтоб им здесь в кормех нужи не было. А князь Ортемья [Астона] государь пожаловал и вперед жаловати учнет, а отпускать иво и жены его ныне непригоже» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 273 об. — 274].

Однако затем Меррик прислал список иноzemцев, за которых он ходатайствовал, чтобы их не ссылали в Казань. Список включал в себя 39 человек, которых русская сторона распределила по шести группам.

В первую группу вошли 13 человек, которые, видимо, служили в шведской армии и приехали в Россию с Мерриком после русско-шведских переговоров: семь англичан (поручик Бравлей, Томас Аресен, Джан Сруп, Рыцер Бортон, Джан Петров сын Кут, Юрий Бембрик, Роборт Русель); пять ирландцев (капитан Барнобей, поручик Шеин Голт, Бриян Булат, Рычард Велч, Мартын Фице Эдмоне); один без указания национальности (Джан Мерик).

Вторую группу составили семь человек, приехавших в Россию с Астоном или как-то связанных с ним: три англичанина (прапорщик Графин, Ульян Графин, Николай Юнк); два шотландца (Томас Герн и Ондрей Фарсеев); голландец Андрей Андерсен и французский капитан Сансон Сеи, который «живет у князя Ортемья, а откуда приехал... того не написано».

Третью группу состояла из трех человек: двое англичан (Давыд Кук и Якуб Унтер), приехавших из Архангельска, и «старый служилый немчин» — шотландец Роберт Камель.

Четвертую группу в Посольском приказе называли «иноzemцами ж, которые приезжали из розных мест от голоду и от нужи, и с побоив, и заворовав». В нее вошли пять человек: один ирландец (капитан Ляхлянд); три англичанина (поручик Банам, прапорщик Танк, Томас Андрус); один шотландец (поручик Дункан).

Пятую группу, названную не очень точно («Иноzemцы ж, приехали ис-под Пскова собою»), составили также пять человек: два англичанина (прапорщик Струдер и Нафанаил Паскал), ирландец Джан Бреян, шотландец Джан Лисбярт (все, видимо, приехавшие «собою»), а также англичанин Джан Джанус, о котором сказано, что он «взят подо Псковом на бою».

И, наконец, в шестую группу вошли шесть иноzemцев, приехавших из разных мест: три ирландца (Рычард Велч, Варнава Макилемартын, Дермант Макилямихал, двое последних перешли на русскую сторону из отряда Лисовского); один

англичанин (Томас Кенедей); два шотландца (Данило Ферел и Александр Лясли) [РГАДА, ф. 35, он. 1, кн. 4, л. 342 об. — 346 об.]⁶.

Судя по последующим событиям, появление списка иноземцев, представленного Мерриком, и последующий его анализ привел к изменению позиций русской стороны и соответственно к изменению инструкций переговорщикам.

Второй раунд переговоров состоялся 5 июля, и Меррик вновь обратился с просьбой отпустить Астона с женой при условии, что их сын останется на русской службе. Получив отказ, мотивированный тем, что «князя Ортемья государь жалует, поместье ему... дано и корм дают же великой, ни в чем ему скудости нет», посол решил изменить аргументацию. В качестве контрдовода он выставил недостаточные размеры назначенного Астону содержания: доходов с поместья мало («тем им с сыном прожити нечем»), а выплата денежного кормового жалования должна прекратиться в новом году, т. е. уже с 1 сентября. Видимо, свое поместье (это была Замотринская волость Муромского уезда [см.: Там же, л. 1]) Астон получил незадолго до рассматриваемых событий и, превратившись из кормового в поместного иноземца, со следующего (по русскому летоисчислению) года должен был перестать получать натуральный корм и кормовые деньги. Это была обычная практика, зафиксированная еще Штаденом [см. об этом: Штаден, 2002, 81; Скобелкин, 2002а, 60]. В ответ Меррику пообещали, что поместное жалованье увеличат («государь... поместье велит прибавить»); причем уже имеющаяся земля будет закреплена за кем-то одним — или за Астоном, или за его сыном, а другой получит новое поместье. На повторное предложение Меррика отпустить хотя бы жену Астона вновь последовал решительный отказ, «и то у посла отговорили ж» [Там же, л. 338—338 об.].

Тогда Меррик поднял вопрос о ссылаемых в Казань. Сначала он, как и раньше, получил отказ, сопровождаемый прежней аргументацией об изобилии продуктов в Казани и дешевизне казанской жизни. Однако после повторной просьбы английского посла (с прежней, впрочем, аргументацией о том, что если «государь милости не покажет, ино их здесь лутче казнить») Шереметев пошел на уступки. Русская сторона согласилась не ссыпать в Казань иноземцев, приехавших с самим Мерриком, с Астоном, двух прибывших из Архангельска и «старого» (т. е. давно находившегося на русской службе) иноземца — всего двадцать человек, перечисленных в трех первых группах списка. В отношении остальных послу было сказано следующее: «А иные... иманы на боех, а иные прибежали не Свеи и из Новагорода (оккупированного шведами. — О. С.), заворовав, от смерти; а иные от Лисовского, как Лисовского побили — уж им было детца негде. И таким вперед верить нельзя. Как тех не сослать?» [Там же, л. 339 об. — 340].

⁶ Изучаемая посольская книга грешит изрядным количеством описок и ошибок. Видимо, этим можно объяснить, что «ирлянчик» Рыцер Велч, с указанием на его приезд из Дедерина, попал сразу и в группу иноземцев, приехавших с Мерриком, и в последнюю группу списка. Если это действительно один и тот же человек, то реально Меррик хлопотал о 38 иноземцах.

В ответ на уступку русской стороны Меррик, в свою очередь, тоже смягчил позицию и отказался от дальнейших попыток избавить от высылки в Казань тех, кому было отказано, сказав, что «о тех и не бьет человек». Правда, он предусмотрительно уточнил, не будут ли все-таки сосланы после его отъезда в Англию те, кому сейчас разрешили остаться. Получив ответ, «чтоб не опасался, царское слово и нок не будет», он попросил передать ему список оставляемых в Москве, «чтоб ему то ведать», и вопрос был исчерпан [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 340 об.]. Правда, как мы увидим в дальнейшем, только временно.

В заключение Меррик передал русской стороне 13 челобитных от разных иноzemцев. Нас интересуют лишь связанные со служилыми иноzemцами.

Английский капитан Давыд Гилберт (ниже в книге, однако, «своей землей» Гилберта названа Шотландия [см.: Там же, л. 460 об.], служивший, по его словам, «прежним государям всякие службы пятнадцать лет верою и правдою, не щадя головы своей», обратился с просьбой отпустить его на родину. Эту просьбу он мотивировал тем, что некоторое время назад его жена и дети были взяты в Козельске в плен литовцами и увезены в Литву, «а ныне-де слух... доходит, что жена и во и дети из Литвы отпущены в свою Британскую землю». Гилберт указал, что год назад Дж. Меррик по его просьбе уже обращался к русским властям с таким ходатайством, но вопрос отложили до заключения русско-шведского договора [Там же, л. 347 об. — 348 об.].

С аналогичной просьбой обратился француз — ротмистр Андрей Дюдеси⁷, приехавший, по его словам, из Стокгольма. В его челобитной содержится любопытная подробность, указывающая на то, что подтолкнуло француза к поступлению на русскую службу. Помимо обычного клише («слыша... к иноzemцам государево жалованье»), Дюдеси указал, что выехал на государево имя «по слову сына боярского Ивана Золина, которой у короля (шведского. — О. С.) сидит в полону». Однако оказалось, что «до нево... на Москве государевы милости нет» — француз был недоволен, что его «сверстали... с теми иноzemцы с неотческими детми, которые в ту версту служат у них, а в их... землях, где он ни служивал, везде отчествен был и пожалован». Одним словом, он был недоволен размерами жалованья и просил или увеличить содержание, или отпустить во Францию [см.: Там же, л. 352 об. — 353].

⁷ Определить истинную фамилию французского ротмистра пока не представляется возможным, поскольку в посольской книге он упоминается четыре раза, и каждый раз его фамилия написана иначе (*Дюдеси, Дидекси, Дюдюкси*); иные источники с информацией о нем неизвестны. Не был известен этот иноzemец и Г. Жордания, собравшему сведения о многих французы, побывавших в России в первой половине XVII в. Я использую один из четырех вариантов фамилии этого иноzemца, который интуитивно представляется мне наиболее близким к возможному оригиналу, — *Дюдеси*. Не исключено, впрочем, что именно он значился в списке ссылаемых в Казань иноzemцев как «капитан Сансон Сеи», живший на подворье А. Астона. Сделать такое предположение позволяет тот факт, что Дюдеси также жил у английского «князя», а с учетом крайней малочисленности французских офицеров в России маловероятно, что на подворье Астона оказались сразу два ротмистра-француза.

По обеим этим просьбам «государь указал и бояре приговорили о том отказать».

В челобитной ирландского капитана Т. Юостоса излагались жалобы на его бывшего сослуживца шотландского капитана А. Мутра. Юостос жаловался на то, что капитан шотландской роты бельских немцев обвиняет его в том, что из его роты 22 человека изменили и ушли со службы из-под Смоленска, а также в том, что некий «товарищ» Юостоса убил шотландского поручика В. Дюри. Кроме того, шотландский капитан «бьет челом на него, капитана Томаса, что не сметь ему вперед служить с ним в одном месте государевы службы, опасаясь от нево, от капитана, и от иво товарыщей измены и побегу ко государеву недругу» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 348 об. — 349]. (Следует заметить, что обвинения А. Мутра в адрес Т. Юостоса в изложении последнего выглядят не очень убедительно и не подтверждаются известными мне на момент написания данной статьи документами о бельских немцах. Каких-либо челобитных Мутра с обвинениями против Юостоса пока разыскать не удалось.)

В ответ на обвинения капитан ирландской роты оправдывался тем, что во время побега из-под Смоленска он сам был на службе в Туле, «а как бы он был с ними, и при нем бы де отнюдь ни одни человек не изменил». Убийство же поручика Дюри произошло по неосторожности, «стало греховым делом, а не хитростью, и тот-де Вилим Дюри при своей смерти в том убийстве иво (не названного по имени «товарища» Т. Юостоса. — *O. C.*) простили» [Там же].

Обвинения в убийстве шотландского поручика выглядят явной клеветой, так как в одной из челобитных самого А. Мутра, написанной по горячим следам со-вместно с другим шотландцем А. Лесли — душеприказчиком убитого, рассказывается, что Дюри был убит в Серпухове, когда ехал в отпуск со службы из Тулы в Москву: «...грех, государь, учинился, убил ево немчин ис пищали. И он жив был двенадцать часов, и, отходя с сего света, писал он духовную себе, что кому отдать» [Там же, л. 89]. Любопытно, что и в этом документе имя «немчина», случайно застрелившего Дюри, не называется.

В свою очередь, Юостос обвинил шотландского капитана в том, что «товарыщи» Мутра вынудили виновного в смерти бежать со службы под угрозой расправы: «велели... збежать, потому что-де хотели тово... иссечь» [Там же, л. 349]. Все обвинения в свой адрес Т. Юостос объясняет тем, что шотландский капитан «и его многие товарыщи» ему должны.

В заключение ирландский капитан просил должностного расследования («государев праведной розыск учинить») и очной ставки с шотландским капитаном. Просьба была исполнена — «государь велел про то сыскать да по сыску и указ учинить» [Там же, л. 349 об.]. Однако проводилось ли разбирательство по поводу взаимных обвинений Юостоса и Мутра и чем оно закончилось, нам не известно — соответствующих документов разыскать не удалось; зато достоверно известно, что оба они продолжали службу.

Передал Меррик и коллективную челобитную девятерых ирландцев, приехавших на русскую службу, с просьбой поверстать их поместными окладами и за-

числить в роту Томаса Юостоса. Однако решение этого вопроса было отложено: «государь велел послу... сказать, что Томас еще сам в государеве деле, а как про Томоса сыщетца, и в те поры им о том и указ будет» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 354 об. — 355].

Через несколько дней произошли события, которые сильно повлияли на ход переговоров: группа иноземцев, включая целый ряд людей, о которых хлопотал английский посол, бежала из Москвы в Литву. В посольской книге день побега не указан, в тексте оставлен пропуск. Надо полагать, что это событие произошло не ранее 8 июля: под этой датой в книге имеется запись о доставке от Меррика в Посольский приказ письма с очередным вариантом русско-английского договора [см.: Там же, л. 388 об.]. Верхней границей можно считать 17 июля — так датированы два письма бельских немцев к своим товарищам, написанные в Старице, в которых говорится о получении этого известия [см., например: РГАДА, ф. 210, оп. 10, д. 4, л. 5—8; Скobelкин, 2000, 210—211].

Среди бежавших были капитан Барнобей⁸, ротмистр Дюдеси «и иные иноземцы, о которых посол... говорил, чтоб их в Казань не ссылали» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 401 об.]. Ситуация усугублялась еще и тем, что капитан и ротмистр жили у А. Астона, сын которого «видел, как они от них з двора поехали». В результате Астон с сыном попали под домашний арест — «государь велел быть у князя Ортемья приставу, и з двора ему никуды съезжати, и к нему никому приходить не велел». Меррику же был сделан выговор, за то, что «иis тех немец лутчай человек, о котором... посол всех больши говорил, капитан Барнобей, своровал, государю изменил, подговоря многих иноземцев, побежал ко государеву недругу...». В результате «государь опять велел всех иноземцов в Казань сослать, потому что им верить немочко» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 401 об. — 402].

На очередном раунде переговоров, состоявшемся 19 июля, Меррику пришлось оправдываться: «Как было не верить Барнобею? Смирен был, добр и слуговат; нельзя было ему не верить; кто иво не знал, тот иво и не любил». В итоге английский посол признал, что «и говорить нечего, что зделалось недобро... он того никак не ведал» [Там же, л. 410 об. — 411 об.].

После этого Меррик вновь поднял вопрос об отпуске домой капитана Д. Гилберта и передал русской стороне письмо короля Джеймса I по этому поводу. Из этого письма, датированного 12 ноября 1616 г., видно, что после взятия Москвы поляками Гилберт перешел на их сторону; после же избрания Михаила Федоровича он был взят в плен русскими правительственными войсками под Смоленском. Король просил или отпустить капитана в Англию, или разрешить ему оставаться на время в России и служить царю [см.: РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 425—426, 438 об.].

⁸ Факт измены капитана и его последующего перехода на сторону Речи Посполитой был известен уже С. М. Соловьеву (который называет его *Варнабеем*) и А. С. Мулюкину (у него он *Дорнобей*) [см.: Соловьев, 1990, 267; Мулюкин, 1909, 153.] Видимо, именно этого капитана имел в виду перешедший в октябре 1618 г. на русскую сторону из армии королевича Владислава пруссак Индрик Ряир, показавший, что служил солдатскую службу «под знаменем у капитана Барна Бея» [РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 84].

Русские переговорщики заверили посла, «что они о том известят царскому величеству» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 410].

Затем на этом раунде обсуждались экономические вопросы, после чего Меррик все-таки снова вернулся к ссылаемым в Казань иноземцам, причем сделал это весьма дипломатично, постепенно подводя разговор к сути проблемы.

Вначале он поднял вопрос об англичанине Джан Джанкусе, который в приведенном выше списке числился как взятый в плен в бою под Псковом. Меррик рассказал, что тот «был во Пскове на пытке дважды, и прислан к Москве, и сидел на Москве в тюрьме», пока не был отпущен под поручительство московских иноземцев. Теперь ему предстояла ссылка в Казань, так как он не вошел в число тех, кого по просьбе Меррика освободили от казанской службы. Но, поскольку Дж. Джанкус числился в списке военнопленных, которых по условиям Столбовского мира надлежало отпустить на родину, английский посол попросил отпустить соотечественника вместе с другими шведскими пленными [Там же, л. 414].

Затем Меррик стал ходатайствовать о двух англичанах — Томасе Харсоне и Рыцере Вартусе (скорее всего, это другое написание фамилий Томаса Аресена и Рыцера Бортона, включенных в список приехавших вместе с Мерриком после русско-шведских переговоров — см. выше), рассказав об их судьбе. Эти два англичанина сначала воевали в шведском войске, затем попали в русский плен, были посланы на размен пленных, но по просьбе Меррика «были ему отданы». Когда же Меррик вместе с ними был в Нарве, «тех немец опять стал наймовать король, и он им наймоватца не велел». Тогда они «приехали служити ко государю, а ныне их ссылают в Казань» [Там же, л. 414 об.].

После просьб о конкретных людях Меррик вновь «был челом» с просьбой не ссылать иноземцев в Казань, мотивируя это, как и раньше, тем, что там они умрут от голода. Учитывая, что в данном контексте никаких имен не упоминалось, надо полагать, что английский посол просил о тех иноземцах, которым по его ходатайству было разрешено остаться в Москве, но после побега Барнобея вновь было предписано отправляться в казанскую ссылку. Кроме того, Меррик обратился к русской стороне с просьбой, чтобы тем направляемым в Казань иностранцам, которым выходное жалование и кормовые деньги были пока не выданы сполна, выдать все это до их отъезда, видимо, полагая, что в Казани они этих выплат получить не смогут. В заключение Меррик отдельно попросил не ссылаять в Казань пятерых англичан (их имена не названы), а оставить их на службе в Москве со старыми иноземцами [см.: Там же, л. 415].

В ответ на все эти просьбы положительный ответ был дан только на одну: русская сторона заверила посла, что выходное жалованье и денежный корм ссылаемым в Казань будут выплачены в полном размере в Москве. О Джане Джанкусе было сказано, что «он бил челом на государево имя служити и поруку по себе дал», «и его отпустити непригоже». Что же касается отмены ссылки для англичан, то здесь посол не только получил решительный отказ, но ему пришлось еще раз выслушать выговор, и ему было сказано, чтобы он «о том царскому величеству не докучил, верить им нельзя» [Там же, л. 415 об.].

Тогда Меррик попытался смягчить участь Астона — попросил освободить его и семью из-под домашнего ареста. По этому вопросу произошла небольшая дискуссия, суть которой сводилась к следующему. Английский посол заверял русскую сторону в полной непричастности Астона к побегу иноземцев, говорил о том, как тяжело переносит присутствие пристава и стрельцов вся семья Астона («и ныне он, и жена его, и сын в великом страхованье... жена его с кручиной на удачу и жива будет ли»), и от имени короля и своего собственного просил «пристава з дворца свесть» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, Кн. 4, л. 416 об. — 417 об.].

Русская сторона обращала внимание на то, что бежавший капитан Барнобей «у него [Астона] на дворе жил, что сын же его и пил и ел с ним вместе, и поехал он [Барнобей] от него з двора на его лошадях и сыньями товарыщи своими, и сын иво княж Ортемьев то видел». За такое «дело изменное великое» кто-либо другой подвергся бы гораздо более жесткому наказанию, так что Астон отдался еще легко. При этом домашний арест носит временный характер: «велено приставу побыть до сыску». Если же расследование подтвердит невиновность Астона, то он и его семья будут освобождены. Таким образом, резюмировала русская сторона, «князю Ортемью прилично подождати... до сыску, а ведь от пристава тесноты ему нет никакие» [Там же].

Тем не менее все поднятые Мерриком вопросы участниками переговоров с русской стороны были доведены до сведения Думы, и по ним были приняты следующие решения. Капитана Д. Гилберта, несмотря на наличие королевского письма, решено было не отпускать с мотивировкой «потому что взят в языцах». Джан Джанкус был допрошен, было выяснено, кто именно из иноземцев ручался за него, «и бояре приговорили» попытаться отговорить Меррика от ходатайства за этого англичанина, а если посол будет настаивать, то отпустить вместе с другими шведскими военнопленными. Обо всех ссылаемых в Казань было решено просьб английского посла не удовлетворять и иноземцев сослать, потому что «много кривды в них объявилось». Что же касается судьбы Астона, то здесь Меррика также ждал отказ, а в случае, если посол вновь начнет поднимать эту тему, ему надлежало сделать выговор [Там же, л. 439 об. — 442].

27 июля посольский дьяк С. Романчуков приехал на подворье к английскому послу и довел до сведения Меррика все принятые решения. Это был последний раунд переговоров по интересующим нас сюжетам.

По поводу капитана Гилберта, о действиях которого в составе войск Речи Посполитой дьяк произнес целую обвинительную речь, Меррик, обещал, что «уж больши того бить челом об нем не учнет», и попросил дать ему о капитане письмо для короля — ответ на королевскую грамоту, «зачем иво отпустити нельзя, чтоб ему было о чем оправдатца, на нем бы то после не лежало». Романчуков обещал передать эту просьбу [см.: Там же, л. 447 об. — 449 об.].

По вопросу о ссылаемых в Казань произошел обмен мнений, и хотя Меррик, видимо, все-таки надеялся отстоять некоторых, в итоге он получил твердый отказ, мотивированный побегом капитана Барнобея с товарищами [см.: Там же, л. 449 об. — 450 об.].

Затем началось обсуждение участия А. Астона. Посол ручался своей головой и душой в том, что за Астоном нет никакой вины, и убеждал дьяка в том, что не может не ходатайствовать за Астона, потому что это поручение короля. Романчуков, со своей стороны, исполняя боярский приговор, «вычитал» ему за «невежливое члобитье» к царю (по-видимому, речь идет о какой-то резкой по форме ноте по поводу Астона, текст которой не включен в посольскую книгу). Кроме того, дьяк справедливо указал на то, что инструкции об Астоне посол мог получить только «давно», то есть до недавнего побега иноземцев и помещения Астона под домашний арест, и, следовательно, они устарели. «А только б было про то ведомо Якубову королеву величеству, и Якуб бы король ему, послу, и не наказал об нем [Астоне] бити челом». При этом Романчуков еще раз подчеркнул, что из уважения к английской стороне Астона не допрашивают, ему «никакого бесчестья не бывало», а если бы на месте англичанина был другой человек, розыск велся бы более жестко. Посол пообещал доложить обо всем своему королю, на что Романчуков заметил, чтобы тот не забыл доложить и об обвинениях Астону в пособничестве побегу иноземцев [см.: РГАДА, ф. 35. оп. 1, кн. 4, л. 450 об. — 452]. В качестве последнего шага в защиту Астона Меррик пожаловался на то, что за неделю до этого произошла драка между переводчиком Мануилом⁹ и приставом Астона в присутствии «людей» английского «князя». Во время драки «Мануйло-де сказал, бьет иво за то, что с изменниками людьми ходит». Иными словами, он обвинил Астона в измене еще до окончания расследования. «И князь Ортемей-де от того в ко- нечной скорби». Меррик потребовал, чтобы был произведен сыск, и в случае невиновности Астона ему «оборонь учинить», а в случае виновности — наказать [Там же, л. 454—454 об.].

Состоялся разговор и о Джанке. Меррик предъявил список пленных, составленный шведской делегацией на переговорах, где значился англичанин, и «говорил об нем накрепко, чтоб иво по договору отпустить». Романчуков, в соответствии с полученными инструкциями, согласился [Там же, л. 454].

Все подробности этих последних переговоров были немедленно доложены Романчуковым царю и Думе.

На следующий день, 28 июля, Михаил Федорович дал прощальную аудиенцию Меррику, после которой состоялся парадный обед. Благодарность со стороны русских властей лично английскому послу за его участие в русско-шведских переговорах, заинтересованность в благосклонности короля Джеймса I, а значит, и в доброжелательной позиции Англии, привели к тому, что Меррика ожидал приятный сюрприз.

Перед «столом», во время обедни в Благовещенском соборе, царь еще раз обсудил с боярами ситуацию. Об Астоне английский посол ходатайствовал от имени

⁹ Видимо, речь идет о переводчике (с немецкого, французского и итальянского языков) *Мануйле Мануйлове*, который в рассматриваемый период служил в Посольском приказе [см.: Лисейцев, 2003, 155, 365—366].

своего короля, заявил, что о нем написано и в королевских инструкциях; о капитане Давыде Гилберте предъявил королевскую грамоту. После того, как ему было отказано, посол, по донесениям приставов, был сильно расстроен. В то же время «королевская ко государю [Михаилу Федоровичу] дружба и любовь, а его посольская служба есть. И только князя Ортемья не пожаловати и Давыда капитана не отпустити, а посол то скажет королю, и королю то будет от государя не в любовь, да и посла тем оскорбити». В результате было принято решение: вины Астона и Гилберта английскому послу еще раз «выговорити подлинно» и объявить, что Астон освобождается из-под ареста, а Гилберт будет отправлен в Англию вместе с русскими послами.

С этими известиями в ответную палату, где Меррик дожидался царского обеда, был послан С. Романчуков. Объявив царское «жалованье» и еще раз перечислив все прегрешения Гилберта, он посоветовал послу и самому сделать внушение А. Астону: «А он бы князю Ортемью поговорил от себя, чтоб вперед князь Ортемей царскую милость и жалованье к себе знал и во всем себя остерегал и к безделию ни х какому не приставал». Меррик благодарил за царскую милость, признал, что отпуск капитана Гилберта на родину — это жест доброй воли с русской стороны («А Давыд капитан виноват, и сам он, посол, ведает»); относительно же Астона еще раз подчеркнул его невиновность: «А за князя Ортемья имаетца он [Меррик], голову свою дает, что он [Астон] в том деле безхитростен, и вперед никакова безделя в нем, опричь службы, ничего не будет» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 460—464 об.].

На пир английский посол отправился, надо полагать, с чувством исполненного долга; по крайней мере в отношении своих соотечественников, находившихся на службе в России. Он сделал для них все, что было в его силах.

Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. М., 1994а.

Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М., 1994б.

Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Ч. 1. Тбилиси, 1959.

Лаппо-Данилевский А. Иноzemцы в царствование Михаила Федоровича // Жури. Мин-ва народ. просвещения. 1885. Т. 241, № 9. С. 66—106.

Лисецев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство: Из истории русского права XVI и XVII вв. СПб., 1909.

РГАДА, ф. 35 (Сношения России с Англией), оп. 1, кн. 4; д. 70; ф. 210, оп. 10 (Столбцы Владимира стола), д. 4; оп. 13 (Столбцы Приказного стола), д. 7.

Скобелкин О. В. Ирландская рота на русской службе в последние годы Смуты // Шэмрок: Жури. ирланд. исслед. (Воронеж). 1997а. № 1. С. 71—85.

Скобелкин О. В. Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века // Ист. зап.: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 2. Воронеж, 1997б. С. 14—21.

Скобелкин О. В. Иностранные на Русском Севере в годы Смуты // Ист. зап. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 5—20.

Скобелкин О. В. Письма служилых иноземцев эпохи Смуты // Источниковедение: поиски и находки. Вып. 1. Воронеж, 2000. С. 203—214.

Скобелкин О. В. Западноевропейцы в русском войске XVI века // Ист. зап.: Науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 8. Воронеж, 2002а. С. 49—63.

Скобелкин О. В. Участие ирландцев в последних событиях Смуты в России // Шэмрок: Ирланд. исслед. (история, политика, культура). 2002б. № 2. С. 56—66.

Скобелкин О. В. Ирландцы на русской военной службе в конце 10-х – 20-х гг. XVII века // Там же. 2004. № 3. С. 25—37.

Соколов А. Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI—XVIII вв. Ярославль, 1992.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соч. Кн.5. М., 1990.

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.

Phipps G. M. Sir John Merrick: English Merchant-Diplomat in Seventeenth-Century Russia. Newtonville, 1983.

Статья поступила в редакцию 14.12.2006.